

Н. Н. Мезга, А. И. Дежко
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

**КУРС НА РЕВИЗИЮ РИЖСКОЙ ГРАНИЦЫ В СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКЕ
(КОНЕЦ 1924 – НАЧАЛО 1926 ГОДА)**

Советско-польская граница, которая была установлена в соответствии с Рижским договором, рассматривалась советским руководством как результат слабости Советской России в момент окончания войны с Польшей. Поэтому одной из целей советской политики становится ревизия рижской границы. Международную ситуацию, сложившуюся в мире в 1924–1926 гг., в Москве рассматривали как благоприятную для продолжения данного политического курса. Начало советско-польских переговоров о договоре о ненападении в 1925 г. не изменили планов Москвы относительно ревизии советско-польской границы.

В результате подписания Рижского мирного договора Западная Беларусь и Западная Украина оказались в составе Польши. Данный договор был подписан Советской Россией в условиях ее существенного ослабления в результате Первой мировой войны и Гражданской войны. По мере восстановления сил Советская Россия стала стремиться к восстановлению международных позиций, которые дореволюционная Россия имела к началу Первой мировой войны. Это предопределило отношение Москвы к Рижскому договору, в частности, той границе, которую он установил. В данной статье поставлена цель выявить, в какой степени в советской политике в условиях ведения переговоров с Польшей о договоре о ненападении присутствовало стремление провести ревизию рижской границы. Данный аспект советско-

польских отношений является новым для отечественной и зарубежной историографии. В последнее время для исследователей стали доступны документы, позволяющие достаточно всесторонне охарактеризовать советскую политику, нацеленную на пересмотр рижской границы и воссоединение Западной Беларуси с БССР и Западной Украины с УССР.

Советскую политику по ревизии границы, установленной Рижским договором, следует рассматривать в контексте Версальской системы международных отношений и с учетом влияния германского фактора, особенно после заключения Рапалльского договора. Появление на международной арене после Первой мировой войны независимой Польши не устраивало ни Германию, ни Советскую Россию. Прежде всего в том плане, что они утратили общую границу. Канцлер Германии Й. Вирт, инструктируя назначенного послом в Москву У. Брокдорф-Ранцау, так определил важнейшую цель германской политики: «С Польшей нужно кончать. Моя политика стремится к этой цели» [1, с. 253]. Поэтому одним из основных пунктов сотрудничества Советской России / СССР и Германии была ликвидация независимой Польши и ревизия её западной и восточной границ, установленных Версальским и Рижским договорами. Как отмечал в своих мемуарах крупный германский дипломат того времени Г. Дирксен, в основе русско-германской дружбы «лежала общая нелюбовь к своему общему соседу – Польше» [2, с. 37].

В 1924–1925 годах изменились международные условия, в которых советской дипломатии приходилось предпринимать шаги, нацеленные на ревизию рижской границы. Германия начала налаживать отношения со странами Запада, что кардинальным образом не устраивало СССР, руководство которого считало такую политику Берлина концом германо-советской дружбы, поскольку, как отмечалось в меморандуме советского правительства правительству Германии от 2 июня 1925 г., в ее основе лежало молчаливое непризнание обеими сторонами того режима, который был установлен в Европе в результате серии послевоенных договоров [3, с. 351].

С конца 1924 г. начинались советско-польские и советско-германские переговоры о заключении политических соглашений. В связи с этим произошла актуализация вопроса о польских границах как в политике Германии, так и СССР. Два названные государства всё ещё были заинтересованы в сотрудничестве, которое строилось на желании произвести ревизию Версальского договора. По этой причине сторонами было принято решение придерживаться и далее рапалльского курса. Результатом стали начавшиеся конце 1924 года советско-германские переговоры по широкому спектру вопросов. Сразу же обозначилось стремление Москвы и Берлина обсудить «польский вопрос». 4 декабря 1924 г. во время беседы с германским послом член коллегии НКВД В. Копп заявил, что для советского руководства достижение соглашения с Германией по польскому вопросу «является очень желательным». Он предложил организовать совместное выступление против Польши, если Германия не отказалась от своих территориальных претензий. На это У. Брокдорф-Ранцау ответил, что Германия не может отказаться от территориальных претензий к Польше, но в настоящий момент невозможно добиваться их реализации силой [4, с. 64]. 13 декабря германский МИД направил письмо послу в Москве, в котором отмечалось, что «для Германии и России решение польского вопроса лежит скорее всего в «вытеснении Польши к ее этнографическим границам». Эта позиция Германии была доведена до советского руководства и обсуждена на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 24 декабря. Было принято решение, что советско-германские переговоры не должны сводиться только к польской проблематике, а охватывать широкий комплекс международных проблем. После достижения соглашения по вопросам неучастия Германии в военных и политических блоках с третьими государствами и вступления Германии в Лигу Наций, СССР готов был обсудить германские предложения об оттеснении Польши к ее этническим границам [5, с. 170].

В конце 1924 года стала заметной тенденция к улучшению советско-польских отношений. Польские власти выдвинули предложение заключить помимо экономического и политический договор, «соглашения о признании территориальной целостности государств, невмешательстве во внутренние дела друг друга, неучастии во враждебных коалициях».

18 декабря 1924 года на заседании Политбюро ЦК РКП(б) на рассмотрение был вынесен вопрос о предложении Польши начать переговоры по экономическим и политическим вопросам. Советское руководство приняло решение начать переговоры с Польшей. Тем не менее, в отношении этого государства оно не собиралось изменять свои планы по ликвидации той системы международных отношений, которая была установлена Версальским и Рижским мирными договорами. Это касалось и рижской границы. В решении Политбюро указывалось, что в условиях налаживания отношений с Польшей «не следует отказываться от принципа исправления границ» [6, с. 10].

Важно подчеркнуть, что тезис о признании территориальной целостности и отказа от исправления границ касался тех территорий, которые были приобретены Польшей в 1921 году. Подписание Рижского договора сделало Западную Беларусь полем противостояния СССР и Польши за доминирование в регионе Центрально-Восточной Европы. Советская сторона стремилась осуществить ревизию рижской границы в будущем, конечным итогом чего должно было стать включение западнобелорусских и западноукраинских земель в состав СССР. Для достижения этой цели советское правительство выставляло себя защитником прав национальных меньшинств, проживающих на этих территориях, а также занималось организацией и поддержкой антипольского движения на «восточных кресах». Эти действия, по мнению советских властей, должны были привести к тому, что политика польского государства будет осуждена со стороны международного сообщества как порождающая нестабильность и нарушающая права человека, что стало бы в дальнейшем предпосылкой перехода этих территорий под власть государства Советов. Поэтому польское правительство и стремилось зафиксировать в будущем соглашении пункт о невмешательстве во внутренние дела друг друга и нерушимости границ. Внешнеполитический курс СССР в 1925 году претерпевает некоторые изменения. Касается это прежде всего отказа от действий, направленных на осуществление мировой пролетарской революции, которая, кстати говоря, должна была начаться с Польши, где при поддержке СССР было развернуто активное партизанское движение. В рамках нового политического курса советское руководство приняло решение свернуть так называемую «активную разведку» в Польше, чтобы снизить напряженность в отношениях с этим государством в условиях начавшихся переговоров [7, с. 20–21]. Но, как было показано выше, это не означало отказа от ревизии рижской границы. Данная позиция руководства СССР отразилась и в ходе стартовавших в начале 1925 г. советско-польских переговоров о договоре о ненападении.

Инструкция НКВД СССР от 2 января 1925 года для ведения переговоров с Польшей предполагала рассмотрение, в частности, вопроса о культурной автономии для национальных окраин. Но далее в инструкции указывалось, что в самом договоре об автономии советское руководство не считало нужным упоминать, исходя из того, что если будет официально закреплена культурная автономия, то это будет связано с окончательным признанием границ, установленных Рижским договором, и удовлетворением встречных требований Польши о культурной автономии для поляков в СССР [8, л. 3, 4]. Здесь четко прослеживается сохранение курса Москвы на ревизию рижской границы даже в случае заключения польско-советского договора о ненападении.

12 января в связи с началом политических переговоров состоялась встреча министра иностранных дел Польши А. Скиншиньского и полпреда СССР в Польше П. Войкова. Советский полпред предложил заключить договор о ненападении, согласно которому будут даны гарантии нерушимости границ и неучастия во враждебных коалициях. Однако спустя время польская сторона потребовала привлечь к участию в переговорах прибалтийские страны и сделать будущий договор коллективным, на что советская сторона не желала идти. Также проблемой для советской стороны являлся тот факт, что признание гарантий границ сохранит ту ситуацию, которая существовала для Беларуси, а именно её разделение на БССР и Западную Беларусь. Переговоры заходят в тупик и возобновляются только в сентябре 1925 года в связи с визитом наркома иностранных дел Г. Чичерина в Варшаву [9, с. 153].

Нацеленность СССР на пересмотр польско-советской границы проявилась в условиях переговоров Германии со странами Запада о подписании Гарантийного пакта. Озабоченность Москвы вызывала, в частности, возможность предоставления Германией гарантий для польско-германской границы. 15 апреля 1925 г. в ходе беседы с полпредом СССР в Берлине Н. Крестинским глава германского МИД Г. Штреземан пытался убедить советского дипломата, что Германия оставляет за собой свободу рук в отношении границы с Польшей и будет стремиться к ее ревизии всеми мирными средствами [10, с. 512, 513]. Г. Чичерин, прибыв в начале октября 1925 г. в Берлин, опять поставил перед германским правительством вопрос о возможной гарантии польско-германской границы в проектируемом Гарантийном пакте. Г. Штреземан стремился убедить советского коллегу в обратном. 10 октября он направил в советское полпредство в Берлине меморандум, в котором говорилось, что о гарантии восточной границы Германии в проекте Гарантийного пакта нет и речи [10, с. 512]. Как видим, в связи с подготовкой Гарантийного пакта также отчетливо прослеживается курс советской внешней политики на ревизию польско-советской границы, установленной Рижским договором.

Советское руководство после Локарно продолжало придерживаться идеи пересмотра некоторых положений послевоенных договоров. На XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 года И. Сталин отметил, что Локарно не смогло стереть тех противоречий между победителями и побежденными, которые появились после войны, а только обострило их. Также Сталин заявил, что Локарнские соглашения являются лишь продолжением Версаля и стремлением стран-победительниц сохранить послевоенное устройство мира [11, с. 14]. Тем самым объясняется дальнейшее советско-германское сотрудничество в направлении осуществления ревизии Версальско-Рижского международного порядка.

Г. Чичерин считал, что Локарнская конференция создала выгодные для Москвы предпосылки для налаживания отношений с Польшей на советских условиях. При этом конечной целью советской политики на польском направлении оставалось присоединение Западной Беларуси и Западной Украины к СССР. Международные позиции Польши в связи с Локарно были ослаблены, это, по мнению советского наркома иностранных дел, сделало возможным предъявление ей ряда требований [12, с. 310]. А как средство давления было принято решение использовать проблему белорусского и украинского национальных меньшинств, проживающих на территории Польши. Подтверждением этого курса в политике СССР могут служить решения высших партийных структур УССР и БССР в конце 1925 г. Так, Политбюро ЦК КП(б)У признало необходимым вести работу среди «украинских национальных групп и мелкобуржуазных партий Западной Украины», чтобы они признали Советскую Украину центром объединения всех украинских земель [13, с. 59]. 16 октября 1925 г. ЦК КП(б)Б были определены меры по расширению в среде белорусской политической эмиграции советского влияния и поддержке белорусского движения советской ориентации [14, с. 395]. Когда в начале 1926 г. возобновились польско-советские переговоры о договоре о ненападении, Москва стремилась избежать включения в будущий договор положений, которые подтверждали бы польско-советскую границу, установленную Рижским договором [5, с. 199].

Таким образом, чтобы укрепить своё геополитическое положение в Центрально-Восточной Европе, советское руководство стремилось осуществить исправление рижской границы с Польшей, что означало бы включение Западной Беларуси и Западной Украины в состав СССР. Лидеры СССР считали, что происходившие в конце 1924 – начале 1926 г. изменения на международной арене были неблагоприятными для Польши. Это создавало предпосылки, чтобы готовить ревизию рижской границы. Такой подход Москвы четко обозначился при определении Политбюро целей переговоров с Польшей, в поддержке СССР антипольских сил на территории Западной Беларуси и Западной Украины. Установленная Рижским договором граница являлась элементом Версальско-Рижского международного порядка. Поэтому стремление СССР пересмотреть эту границу являлось частью его политики, направленной на ликвидацию Версальской системы международных отношений в целом, которая проводилась во взаимодействии с Германией.

Источники и литература

1. Kumaniecki, J. Wobec układu w Rapallo / J. Kumaniecki // Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. – 1966. – Т. 2. – S. 253–266.
2. Дирксен, Г. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики / Г. Дирксен. – М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2001. – 446 с.
3. Документы внешней политики СССР : в 24 т. – М.: Госиздат, 1967. – Т. 8. – 862 с.
4. Бабенко, О. В. Польско-советские отношения в 1924–1928 гг.: от противостояния к сотрудничеству / О. В. Бабенко – М.: РАН ИНИОН, 2007. – 224 с.
5. Мезга, Н. Н. Советско-польские отношения 1921–1926: новый этап противостояния / Н. Н. Мезга. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – 229 с.
6. Протокол № 41 (Особый № 28) заседания политбюро ЦК РКП(б) от 18 декабря 1924 г. // Материалы особой папки Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско- польских отношений. 1923–1945. – М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997. – 143 с.
7. Мезга, Н. Н. Западная Беларусь в советско-польских отношениях: от Рижского договора до воссоединения с БССР / Н. Н. Мезга // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2019. – № 4. – С. 17–26.
8. Архив внешней политики Российской Федерации. – Ф. 04. – Оп. 32. – П. 217. – Д. 52670.
9. Мезга, Н. Н. Советско-польские переговоры о договоре ненападении 1925–1926 гг. и Беларусь / Н. Н. Мезга // Современная научная мысль. Научный журнал НИИ истории, экономики и права. – 2020. – № 4. – С. 149–156.
10. Stresemann, G. Vermachtnis / G. Stresemann : in 3 b. – Berlin: Ullstein Von Henri Bernhard, 1932. – В. 2. – 611 s.
11. Четырнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчет. – М.: Госиздат, 1926. – 789 с.
12. Зубачевский, В. А. Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX века): Геополитический аспект / В. А. Зубачевский. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2018. – 396 с.
13. Соляр, І. Я. Радіофільтство у Західній Україні (1920-ті рр) / І. Я. Соляр // Український історичний журнал. – № 6. – С. 55–66.
14. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.] – Мінск: Современная школа: Экоперспектива, 2007. – Т. 5 : Беларусь у 1917–1945. – 613 с.